

Русскіе невольники въ среднеазіятскихъ ханствахъ.

I.

Русскіе, въ качествѣ невольниковъ, стали появляться въ Средней Азіи очень давно. Уже въ X вѣкѣ арабскіе путешественники Истахри и Ибнъ-Хаукаль упоминаютъ въ числѣ рабовъ, продававшихся въ Средней Азіи, между прочимъ, и славянъ. Оба эти путешественника главнымъ рынкомъ невольниковъ называютъ Хорезмъ, нынѣшнее хивинское ханство; отсюда шли они въ другія среднеазіятскія государства. Вслѣдствіе какихъ же обстоятельствъ попадались въ Хорезмъ русскіе невольники и кто доставлялъ ихъ туда? Нынѣшнія киргизскія и приволжскія степи съ непоконъ-вѣкомъ служили пріютомъ для кочевыхъ народовъ различной крови и языка. Какъ только началось зарождаться русское государство, наши предки уже должны были вести съ ними борьбу, и ихъ столкновенія съ кочевниками были очень часты; лѣтописи переполнены разсказами о войнахъ, веденныхъ русскими племенами съ печенѣгами, узами, половцами. Результатомъ этихъ войнъ былъ захватъ плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ. Не даромъ говорилъ Святославъ, что въ Болгарію везутъ изъ Россіи медъ, воскъ и невольниковъ. Плѣнные обращались въ невольниковъ и продавались на болѣе-оживленныхъ рынкахъ. Кочевые наши сосѣди, въ числѣ этихъ невольниковъ, должны были представлять значительную часть. Въ свою очередь и кочевники захватывали въ плѣнъ русскихъ и тоже везли ихъ на продажу къ ближайшимъ осѣдымъ народамъ: сами они въ невольникахъ не нуждались, а если и нуждались, то въ очень ничтожномъ количествѣ. Продавать же своихъ плѣнныхъ кочевникамъ было всего удобнѣе и всего ближе въ Хорезмъ, такъ какъ въ то время торговый путь отъ Волги въ Среднюю Азію пролегалъ черезъ эту страну.

До начала XVI столѣтія русскихъ невольниковъ въ Средней Азіи было, сравнительно, не много, такъ какъ спросъ на рабовъ тамъ былъ не великъ; но, начиная съ XVI столѣтія, въ XVII, XVIII и началѣ XIX-го, невольничество въ среднеазіятскихъ ханствахъ дошло до огромныхъ размѣровъ, когда въ одномъ ничтожномъ, по занимаемому пространству, хивинскомъ ханствѣ, напримѣръ, число русскихъ невольниковъ превышало 2000 человекъ; а число рабовъ-персіянъ доходило до 15,000 и болѣе. Такому сильному развитію невольничества въ ханствахъ способствовали, главнымъ образомъ, двѣ причины. Первая—политическая: вторженіе въ страны Сыра и Аму, въ началѣ XVI столѣтія, узбековъ, кочевого народа тюркской крови, кочевавшихъ до того въ верховьяхъ Урала и въ юго-западной Сибиря. Покоривъ осѣдлое населеніе Мавераннагара, осѣвъ въ городахъ и селеніяхъ, узбеки не имѣли ни охоты, ни склонности къ трудамъ осѣдлой жизни; обрабатывать

землю пришлось посредствомъ рабовъ. Только этимъ способомъ и можно было увеличить число рабочихъ рукъ. Вторая причина—*ремизная*. Незадолго до вторженія узбековъ въ Мавераннагръ, духовенство Средней Азіи, съ гератскимъ муллою Шемсъ-ад-диномъ-Герати во главѣ, обнародовало фетву, по которой мусульмане-шииты могли быть продаваемы въ неволю наравнѣ съ невѣрными. Отсюда явилась полная возможность добывать рабовъ въ огромномъ количествѣ изъ Персіи и тѣмъ удовлетворить возникшій усиленный спросъ на нихъ въ Средней Азіи. Фетва эта пришлась для узбековъ очень кстати; безъ нея они не могли бы держать у себя невольниками персіянъ, такъ какъ, по корану, каждый мусульманинъ долженъ быть *свободенъ* (*).

Способъ добыванія невольниковъ былъ двоякаго рода: а) военные набѣги, каковы, напримѣръ, набѣги хивинскаго и бухарскаго хановъ въ Персію, и б) захватъ въ плѣнъ кочевниками своихъ осѣдыхъ сосѣдей, съ цѣлю продажи ихъ на среднеазіятскихъ рынкахъ. Персію испытала на себѣ первый способъ; Россію, главнымъ образомъ, послѣдній.

Главными виновниками захвата нашихъ плѣнныхъ были: *киргизы*, захватывавшіе на линіи нашихъ уральскихъ казаковъ и рыбопромышленниковъ на Каспій, которыхъ, по мѣрѣ накопленія, гнали партиями въ Хиву и Бухару; *калмыки*, во время своихъ разбоевъ за Волгой, захваченныхъ ими плѣнныхъ сбывали въ Хиву; *каракалтаки*, хотя и рѣдко, но также не упускали случая поживиться на счетъ русскихъ плѣнныхъ; *башкиры*, пока были еще сильны, доставляли невольниковъ въ Среднюю Азію; *туркмены* ловили нашихъ рыбопромышленниковъ на Каспійскомъ морѣ и, пользуясь обычною безпечностью и оплошностью русскаго человека, имѣли въ этомъ большой успѣхъ. Большинство плѣнныхъ препровождалось въ Хиву. Сюда туркмены приводили персіянъ и русскихъ; сюда же доставляли свою добычу и киргизы, и только меньшая часть этой добычи шла въ Бухару. Такимъ образомъ Хива, по-прежнему, служила главнымъ рынкомъ невольниковъ; изъ Хивы поступали они въ Бухару и далѣе, даже въ Индію. Такъ напримѣръ, астраханскій татаринъ Исупъ (Юсуфъ) Касымовъ, отправленный въ 1675 г. Алексѣемъ Михайловичемъ посломъ къ Эвренгу-Зибу, вывезъ оттуда въ 1677 году 40 человекъ русскихъ плѣнныхъ, имъ выкупленныхъ.

Въ Ташкентѣ и Кокандѣ русскихъ невольниковъ доставляли киргизы; но тамъ

(*) Только киргизы не соблюдали строго это предписаніе „несомнѣнной книги“. Они не рѣдко держали у себя, въ качествѣ невольниковъ, узбековъ, туркменъ, арабовъ,—такихъ же правовѣрныхъ *сунни*, какъ и сами киргизы. Мейеръ, „Описаніе киргизскихъ степей Оренбургскаго вѣдомства“. Спб. 1866, стр. 268).

ихъ держали немного и старались сбывать въ Бухару.

II.

Захватъ русскихъ въ плѣнъ, для продажи въ неволю, начался, какъ уже сказано, очень давно; слѣды его теряются въ глубокій древности. Разъ невольничество началось, оно уже не прекращалось до самаго послѣдняго времени, потому что условія, при которыхъ оно существовало, оставались тѣ же. Только по временамъ, въ слѣдствіе различныхъ политическихъ обстоятельствъ, оно ослабѣвало; но совсѣмъ прекратить его могли лишь настоячивыя, энергическія мѣры.

До татаръ наши невольники появлялись въ Средней Азіи въ слѣдствіе набѣговъ нашихъ степныхъ сосѣдей; при татарахъ они появлялись тамъ по другой уже причинѣ. Какъ извѣстно, золотоордынскіе ханы, въ первое время своего господства надъ русскою землею, отдавали дани на откупъ; а чтобы взять откупъ, надо было заплатить за него немалую сумму денегъ. Больше другихъ имѣли шансовъ „откупить дани“ хорезмскіе купцы, которыхъ въ орду было много. При этой откупной системѣ, русскимъ приходилось очень плохо. Бѣдники, неимѣвшіе возможности выплачивать требуемые поборы, обращались въ собственность откупщиковъ. Наши лѣтописцы приводятъ много случаевъ, когда несправные плательщики уводились откупщиками въ неволю. Сбывать ихъ ближе всего было въ Хорезмъ, откуда они поступали уже въ другія страны.

При отмене откупной системы, при усиленіи русскаго государства и при неурядицахъ въ орду, невольничество должно было ослабѣть въ сильной степени. Но въ XVI вѣкѣ, когда пали царства казанское и астраханское, число русскихъ невольниковъ въ Средней Азіи стало снова увеличиваться. Мы непосредственно столкнулись тогда съ коочными населеніемъ сѣверо-западной части Средней Азіи.

Первый, кто указалъ на существованіе русскихъ невольниковъ въ среднеазиатскихъ ханствахъ въ то время, былъ англійскій купецъ Антоній Джекинсонъ, который, въ 1558 г., отправился изъ Россіи въ Хиву и Бухару и вывезъ изъ послѣдняго ханства 25 человекъ выкупленныхъ имъ русскихъ невольниковъ.

Въ самомъ началѣ XVII столѣтія шайка яицкихъ казаковъ, въ 300 человекъ, подъ предводительствомъ атамана Шемай, задумала сдѣлать набѣгъ на Хиву, какъ незадолго предъ тѣмъ ограбилъ это ханство атаманъ Нечай, но, впрочемъ, тамъ и погибъ со всею своею шайкою. Самъ Шемай попалъ въ плѣнъ къ калмыкамъ; казаки же продолжали путь и безъ него. Дорогою имъ пришлось зазимовать. Истомленные трудностями переходовъ по незнакомой мѣстности, не имѣя съ собою никакихъ запасовъ на зимовку, они подверглись всѣмъ ужасамъ голода до такой степени, что начали ѣсть трупы павшихъ товарищей. Тогда стали они умолять хивинцевъ взять ихъ и спасти отъ голодной смерти. Хивинцы забрали ихъ, и всѣ казаки, добавивъ преданіе, тамъ и „погибли“. По всей вѣроятности, они были обращены въ невольниковъ.

Много русскихъ плѣнныхъ доставляли въ

Среднюю Азію калмыки, разбойничавшіе по Волгѣ и въ нынѣшнихъ губерніяхъ казанской и уфимской съ 1676 г. (бушта Сента, башкирскаго старшины) включительно до 1683 г. Цѣлыя семейства уводились ими въ плѣнъ. Въ 1708 г. калмыки, подъ предводительствомъ Тайцзы Тункэ-Тимура, перешли на правый берегъ Волги, выжгли болѣе ста селъ и деревень и захватили множество плѣнныхъ обою пола, которыхъ распродали въ Хивѣ, Бухарѣ и Персіи. Въ слѣдъ затѣмъ, послѣ похода Бековича въ 1717 г., контингентъ рабовъ въ Средней Азіи еще болѣе увеличился. Всѣ наши посланники, отправляемые разновременно въ Хиву и Бухару, указывали тысячи русскихъ плѣнныхъ въ этихъ ханствахъ. Флоріо Беневени, бывшій въ Бухарѣ съ 1721 по 1725 г., доносилъ Петру Великому: „какъ повелитъ Ваше Величество объ здѣшнихъ полоненныхъ русскихъ казакахъ, солдатахъ и прочихъ, не только которые при князѣ Бековичѣ взяты, но и при иныхъ отъ каракалпаковъ и казаконъ (киргизовъ) заповоленныхъ?... Русскихъ полоненныхъ при каѣ и при придворныхъ его двѣсти тысящъ наберется, а во всемъ городѣ—съ тысящу, въ Самаркандѣ и по инымъ городамъ и деревнямъ на степи при озекахъ, которые бунтуютъ, всего на-все 2000; какъ скажутъ, въ Балхѣ и въ Анжуе также ихъ число не малое, а въ Хивѣ и Аралахъ тысячи съ полторы наберется... въ Кызылбахахъ (у персіянъ), въ Астрабадѣ довольно, поже изъ Хивы непрестанно туды бѣгаютъ, надѣются на дружбу шахову съ Вашимъ Величествомъ и пакы вновь въ полонъ попадаются“.

По этому донесенію оказывается, что плѣнныхъ нашихъ больше было въ Бухарѣ, чѣмъ въ Хивѣ, что очень возможно. Хивинцы, послѣ похода Бековича, должны были опасаться русскихъ даже и въ своемъ ханствѣ; нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что хивинцы старались скорѣе сбыть ихъ въ сосѣднюю Бухару. Кромѣ Беневени, на такой сбытъ указываетъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, Ефремовъ, взятый въ плѣнъ въ 1774 г. и пробывшій въ Бухарѣ около 8 лѣтъ. Онъ сообщаетъ, что одинъ хивинскій ходжа сохранилъ изъ отряда Бековича сто человекъ и отослалъ ихъ тайнымъ образомъ въ Бухару къ Абуль-Феизъ-хану, который и сдѣлалъ изъ нихъ стражу при своемъ дворѣ. Какимъ образомъ хивинскій ходжа могъ „сохранить“ сто человекъ отъ избіенія, которому подвергся нашъ отрядъ, и „тайно“ переслать въ Бухару, остается до сихъ поръ неразъясненнымъ. Помимо внимательства ходжи, хивинцамъ не было никакой надобности избивать отрядъ до послѣдняго человека, когда русскіе плѣнные были очень нужны для разныхъ работъ въ ханствѣ и для хивинцевъ представлялись очень цѣннымъ товаромъ, а потому оставленные въ живыхъ русскіе солдаты, вѣроятно, были распроданы въ частныя руки. Ефремовъ же, слышавшій рассказъ объ избіеніи нашего отряда спустя 50 лѣтъ послѣ этого событія и притомъ въ Бухарѣ, а не въ Хивѣ, могъ передать преданіе это нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ дѣло происходило въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что бухарскій ханъ Абуль-Феизъ имѣлъ стражу изъ русскихъ плѣнни-

ковъ, большинство которой составляли русские, уцѣлѣвшіе изъ отряда Бековича.

Флоріо Беневени первый заявилъ, что русскихъ плѣнныхъ въ среднеазиатскихъ ханствахъ находится тысячи. Конечно, цифры, имъ приводимыя, приблизительно только показываютъ число плѣнныхъ,—никто ихъ не считалъ,—но заподозрить Беневени въ преувеличеніи ихъ едва-ли возможно. Напротивъ, по неизмѣнно подробныхъ свѣдѣній, онъ скорѣе могъ показать число плѣнныхъ меньше, чѣмъ ихъ было на самомъ дѣлѣ. Такое предположеніе ничуть не покажется страннымъ, если мы, вмѣстѣ съ походомъ Бековича, примемъ въ расчетъ и другія обстоятельства. Во-первыхъ, русскіе невольники существовали въ Хивѣ и Бухарѣ и до похода 1717 года; во-вторыхъ, захваты киргизами нашихъ казаковъ были въ то время въ полномъ ходу. Такъ, напримѣръ, въ томъ же 1717 г., киргизы ворвались въ казанскую губернію до Новошешинска, взяли его, разворили и, хотя были прогнаны съ значительнымъ урономъ, увели съ собою много плѣнныхъ (*). Годомъ раньше, въ 1716 году, когда Бухгольцъ былъ осажденъ калмыками въ Ямышевской крѣпости, отрядъ въ 700 человекъ, посланный изъ Тобольска на помощь осажденнымъ, былъ весь взятъ въ плѣнъ. При этомъ отрядъ находился купеческій караванъ, въ которомъ было 600 торговцевъ изъ Тобольска и Томска, для торговли съ калмыками. Слѣдовательно, масса русскихъ невольниковъ поступала въ Среднюю Азію, одновременно съ походомъ Бековича, отъ киргизовъ и отъ калмыковъ.

Весь XVIII вѣкъ и начало XIX-го являются періодомъ наибольшаго развитія невольничества русскихъ въ среднеазиатскихъ ханствахъ. Въ теченіи болѣе столѣтія, нашихъ плѣнныхъ тамъ находились тысячи. А сколько ихъ гибло во время самаго захвата, во время переходовъ, отъ тяжелаго непосильнаго труда, отъ жестокаго обращенія хозяевъ и отъ прочихъ причинъ,—число этихъ несчастныхъ никогда не опредѣлится; они погибли безъ слѣда; число ихъ, надо полагать, было весьма значительно. Особенно много гибло нашихъ плѣнныхъ во время переходовъ. Похитители, захвативъ добычу, должны были спѣшить изъ опасенія погони (**), и несчастные, связанные по нѣскольку человекъ на веревкѣ, подгонялись конными разбойниками ударами плети, иногда остриемъ копья, и употребляли немалые усилія, чтобы до тащить до безопаснаго для похитителей мѣста. Тѣ же, которые, выбившись изъ силъ, падали въ изнеможеніи, тутъ же или умерщвлялись кровожадными хищниками или бросались ими на мѣстѣ, на произволъ мучительной голодной смерти.

Послѣ сообщенія Беневени, число нашихъ плѣнныхъ въ Средней Азіи продолжало увеличиваться исключительно до 1740 года. Такъ, въ 1737 г., часть орды Абуль-Хайр-хана, незадолго предъ тѣмъ принявшаго русское подданство, напала на калмыковъ

и, въ одинъ изъ своихъ набѣговъ на нихъ, захватила въ плѣнъ много русскихъ. Въ 1739 г. киргизы произвели нападеніе на ватаги на Каспійскомъ морѣ, разграбили ихъ и плѣнили людей. Въ томъ же году, киргизы напали на плецкихъ казаковъ и увели въ плѣнъ 50 человекъ. Въ 1740 г. киргизы, вмѣстѣ съ башкирами, напали на русскія селенія и запленили нѣсколько человекъ. Въ этомъ году, по свидѣтельству Гладышева, которому передавалъ плѣнный лицій казакъ Андрей Бородинъ, было въ одномъ хивинскомъ ханствѣ русскихъ, калмыковъ и иноземцевъ—3000 человекъ, да сверхъ того 500 человекъ такихъ же плѣнныхъ находились въ аральскомъ владѣніи (1). Въ этомъ показаніи Бородинъ ошибся только въ томъ, что всѣхъ этихъ плѣнныхъ считаетъ взятыми изъ команды Бековича. Отрядъ Бековича, дошедшій до Хивы, простирался не болѣе 3000 человекъ; уцѣлѣла изъ него меньшая часть; слѣдовательно всѣ тогдашніе плѣнные наши въ Хивѣ не могли быть изъ отряда князя Черкаскаго; да наконецъ изъ письма (2) Абуль-Хайра къ Урусову видно, что въ 1740 году, изъ числа уцѣлѣвшихъ отъ избиенія этого отряда, въ живыхъ находилось только 24 человека.

Въ 1740 г. число нашихъ плѣнныхъ въ Средней Азіи нѣсколько уменьшилось. Въ концѣ этого года шахъ персидскій Надиръ взялъ Хиву и освободилъ тамъ бывшихъ русскихъ плѣнныхъ. Какъ своихъ персінъ онъ снабдилъ всѣмъ необходимымъ для возвращенія на родину, такъ и русскихъ одѣлалъ деньгами и лошадьми для возвращенія въ Россію. Денегъ въ то время у Надира было довольно: онъ только-что ограбилъ Индію. Но эта убыль нашихъ невольниковъ въ Хивѣ скорѣе же пополнялась новыми жертвами.

Въ 1742 г. поручикъ Гладышевъ, находившійся у каракалпаковъ, доносилъ, со словъ хана ихъ Канина, что число русскихъ плѣнныхъ простирается у нихъ до 2000 человекъ. Канинъ искалъ тогда русскаго подданства и обѣщалъ освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся у каракалпаковъ. Что число плѣнныхъ на этотъ разъ преувеличено, доказательствомъ служить: во-первыхъ, то соображеніе, что, обладая такимъ количествомъ плѣнныхъ, каракалпаки всегда могли выгодно сбыть ихъ въ Хиву, гдѣ въ невольникахъ тогда сильно нуждались; во-вторыхъ, имъ самимъ, для своего обихода, вовсе не требовалось такое число невольниковъ; въ-третьихъ, каракалпаки, желая вступить въ русское подданство, чтобы пользоваться извѣстнаго рода выгодами его (3), естественно хотѣли придать своей просьбѣ большую важность, обѣщая освободить дѣйствительно русскихъ плѣнныхъ.

Какъ бы ни было, но невольники изъ русскихъ плѣнныхъ вновь появились въ Хивѣ. Когда, въ 1753 году, въ этомъ ханствѣ находился самарскій купецъ Рукавинъ, онъ вывезъ оттуда, при возвращавшемся русскомъ караванѣ, четырехъ, выкупленныхъ имъ, русскихъ невольниковъ.

(*) Рычковъ, «Оренбургская исторія».

(**) Погони не могло быть только со стороны Каспійскаго моря, но и то, послѣ построенія Ново-Александровскаго укрѣпленія и по замѣти его Ново-Петровскими, туркменамъ приходилось остерегаться преслѣдованія нашихъ отрядовъ изъ этихъ фортовъ.

(1) Такъ называлась сѣверная часть хивинскаго ханства, дельта Аму-дарьи и ея окрестности.

(2) Письмо это было получено въ Оренбургъ 30-го апрѣля 1741 г.

(3) Напримѣръ, подарками, вахтой отъ хивинцевъ и т. п.

Торги русскими плѣнными въ Средней Азійи поддерживались почти ежегодными захватами ихъ туркменами на Каспій и киргизами на линіи. Но никогда для насъ не было времъ ни, болѣе несчастнаго въ этомъ отношеніи, какъ 1773 и 1774 годы, во время пугачевщины. Пользуясь начавшейся у насъ смутой и беззащитностью границы, киргизы захватывали на линіи нашихъ казаковъ цѣлыми десятками и гнали ихъ въ Бухару и Хиву. И тогда тамошніе рынки снова переполнились русскими невольниками. Такъ же печальны были для насъ 1784 и 1785 годы, слѣдовавшіе за учрежденіемъ въ степи пограничной экспедиціи. Шайки вооруженныхъ киргизовъ, развѣывая за Ураломъ, захватывали мирныхъ поселенъ и навели такой страхъ на всѣхъ пограничныхъ жителей, что тѣ бросали полевныя работы и укрывались въ крѣпостяхъ. Левшинъ, въ своемъ «Описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей», приводитъ таблицу за 13 лѣтъ, въ которой показаны числа русскихъ, захваченныхъ кайсаками (*):

въ 1782 г.	— 34 чел.	въ 1788 г.	— 43 чел.
— 1783 „	— 21 —	— 1789 „	— 53 —
— 1784 „	— 176 —	— 1790 „	— 90 —
— 1785 „	— 175 —	— 1791 „	— 34 —
— 1786 „	— 12 —	— 1792 „	— 40 —
— 1787 „	— 2 —	— 1793 „	— 60 —
		— 1794 „	— 42 —

Всего, слѣдовательно, въ это время захвачено было 782 человѣка; но цифра эта будетъ гораздо значительнѣе, если примемъ въ расчетъ, что не всѣ захваты были извѣстны пограничному начальству, и что многіе пропадали, такъ-сказать, безвѣсти. Эта таблица приводитъ число плѣнныхъ, захваченныхъ на линіи отъ Звѣриноголовской станицы до Гурьева городка. Не даромъ уральскіе казаки говорятъ, что земля, на которой они живутъ, «пріобрѣтена кровью ихъ предковъ». А сколько нашихъ рыбопромышленниковъ на Каспійскомъ морѣ забирались въ плѣнъ туркменами и киргизами. Сколько грабилось каравановъ, проводы которыхъ уводились въ неволю.

Много было нашихъ плѣнныхъ въ среднеазійскихъ ханствахъ, а въ Хивѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ; но все-таки не могло ихъ быть столько, сколько приводитъ одинъ источникъ начала XIX столѣтія. Въ «Описаніи хивинскаго ханства», приписываемомъ директору оренбургской таможни Величко, говорится, что «у хивинцевъ и конратцевъ плѣнныхъ русскихъ можно полагать гораздо за 15 тысячъ человѣкъ» (**). Этого не могло быть. Ни Бланкенгагель, бывшій въ Хивѣ незадолго до составленія этого описанія, ни Муравьевъ, посѣтившій хивинское ханство послѣ «Описанія», не говорятъ, чтобы когда-либо число нашихъ плѣнныхъ доходило до такой огромной цифры, да не безопасно было бы оно и для самаго ханства.

Главнымъ сбытомъ нашихъ невольниковъ служили Хива и Бухара. Въ прочія ханства ихъ шло, какъ сказано, очень немного. Бурнашевъ, бывшій въ Ташкентѣ въ 1800

году, говоритъ, что въ самомъ городѣ нашихъ плѣнныхъ было всего 6 человѣкъ, потому что тамъ старались сбывать невольниковъ въ Бухару. Въ этомъ послѣднемъ ханствѣ число русскихъ плѣнныхъ, съ начала XIX столѣтія, стало замѣтно убывать. Главною тому причиною было болѣе прочное присоединеніе къ намъ киргизской степи и упроченіе въ ней нашего вліянія; а невольничество въ Бухарѣ поддерживалось, главнымъ образомъ, киргизами; изъ Хивы ихъ шло не такъ много. Въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, во время пребыванія нашей миссіи въ Бухарѣ, — то была миссія Негри, — по словамъ секретаря этого посольства, Яковлева, нашихъ невольниковъ въ бухарскомъ ханствѣ оказывалось только 600 человѣкъ. Цифра, однако, весьма еще почтенная. Но въ слѣдующіе затѣмъ годы невольничество ослабло до такой степени, что В. И. Даль писалъ въ 1839 году, что въ Бухарѣ нѣтъ ни одного похищеннаго изъ Россіи плѣннаго. Впоследствии оказалось, что плѣнные наши находились въ Бухарѣ и въ то время, только въ Оренбургѣ объ нихъ не было ничего слышно.

Не то было въ хивинскомъ ханствѣ. Тамъ въ 20-хъ годахъ, по свидѣтельству Муравьева, томились около 3000 русскихъ невольниковъ; сами же плѣнные насчитывали ихъ только до 2000. Послѣ 20-хъ годовъ захватъ въ плѣнъ русскихъ немного ослабѣлъ, но не надолго. Такъ, напримѣръ, въ 1826 году, уведено киргизами съ линіи и продано въ рабство 52 человѣка. Въ концѣ 30-хъ годовъ захваты нашихъ рыбопромышленниковъ на Каспійскомъ морѣ усилились и въ одинъ годъ захвачено было до 200 человѣкъ. Хивинцы, какъ извѣстно, надѣялись этимъ способомъ выручить своихъ соотечественниковъ, задержанныхъ въ Астрахани, Оренбургѣ и въ другихъ городахъ. Послѣ похода 1839—40 годовъ, нашихъ плѣнныхъ не было въ Хивѣ до начала 70-хъ годовъ, когда они вновь появились въ этомъ ханствѣ. Послѣдніе невольники изъ Бухары вернулись въ Россію въ 1858 году. Въ Кокандѣ, Ташкентѣ, Туркестанѣ и въ другихъ городахъ русскіе плѣнные еще оставались; но ихъ было тамъ самое незначительное число. Много зато укрывалось въ этихъ городахъ бѣглыхъ русскихъ татаръ и бѣглыхъ казаковъ, бѣжавшихъ въ кокандское ханство изъ опасенія наказанія за совершенныя преступленія (*). Вѣжать въ Кокандъ, или подвергнуться шиндрутенамъ, или стравиться въ каторжную работу, — колебаться въ выборѣ было нечего; при всемъ томъ, наши бѣглецы постоянно старались вернуться на родину, и только страхъ наказанія за совершенный побѣгъ удерживалъ ихъ отъ попытки возвратиться въ Россію.

Въ началѣ 60-хъ годовъ положеніе наше въ Средней Азійи и особенно на Сыръ-дарьѣ сдѣлалось настолько прочнымъ, что о существованіи плѣнныхъ русскихъ въ кокандскомъ ханствѣ, въ качествѣ невольниковъ, не могло быть уже и рѣчи.

(*) Къ сожалѣнію, списки плѣнныхъ, уведенныхъ въ неволю, находившіеся въ архивѣ областного правленія, нѣтъ: печатанъ изъ дѣлъ и для насъ потеряны. (Мейеръ, «Киргизъ степей», стр. 45, примѣч.).

(**) «Описаніе» это издано В. В. Григорьевымъ. (См. Записки Им. рус. географ. общ. за 1861 г. кн. II).

(*) По показанію казаковъ Милушина и Батарашкина, въ г. Кокандѣ бѣглыхъ русскихъ татаръ (въ началѣ 50-хъ годовъ) было около 100 челов.; были бѣглецы и въ другихъ городахъ, особенно въ Ташкентѣ, гдѣ ихъ собралось даже больше, чѣмъ въ Кокандѣ.

III.

Русские невольники в Средней Азии цѣпились вдвое дороже противъ персидскихъ, и только за персидскихъ женщинъ платили больше, чѣмъ за русскихъ. Обыкновенная цѣна невольника колебалась между 50 и 70 тиллами, т. е. отъ 200 до 280 рублей. Этимъ объясняется и лучшее положеніе русскаго невольника сравнительно съ положеніемъ персидскаго.

Нѣкоторые изъ русскихъ, достававшихся на долю хана, — а онъ получалъ десную, иногда и часть захваченныхъ плѣнниковъ, да сверхъ того покупалъ ихъ у торговцевъ (¹), — своимъ умомъ и смѣлливостію выдвигались изъ ряда обыкновенныхъ невольниковъ и приобретали болѣе независимое положеніе. Астраханскій мѣщанинъ Ковыринъ, при ханѣ хивинскомъ Мухамедъ-Рахимъ, сопровождалъ нѣсколько лѣтъ ханскаго сборщика податей. Другой плѣнный, Тихонъ Ризановъ, назначенъ былъ, тѣмъ же ханомъ, воспитателемъ (дидькою) его сына. Федоръ Грушинъ пользовался такимъ довѣріемъ у хана Алла-Кула, что тотъ посылалъ его смотрѣть за работами во время очистки арыковъ и часто за-просто бесѣдовалъ съ нимъ; это подтверждали и хивинскіе купцы, пріѣзжавшіе въ Оренбургъ. Но чаще всего нашимъ плѣннымъ вѣрялась артиллерія, хотя многіе изъ нихъ никогда не видали и орудій. Такими записными артиллеристами прослыли они въ среднеазиатскихъ ханствахъ потому, надо полагать, что не теряли въ походахъ вѣрныхъ имъ пушекъ, какъ это зачастую случалось съ храбрыми узбеками. При бухарскомъ ханѣ Абуль-Фейзъ, начальникомъ артиллеріи былъ, по свидѣтельству Ефремова, одинъ русскій изъ стражниковъ хана (²), а потомъ получалъ эту должность и самъ Ефремовъ. Въ качествѣ *топчи-баши*, онъ участвовалъ въ походахъ на Мерв и въ Афганистанъ. Впослѣдствіи *топчи-башею* былъ другой русскій, унтеръ-офицеръ оренбургскаго гарнизоннаго баталіона Андрей Родиковъ, захваченный въ плѣнъ киргизами въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ Хивѣ, при Алла-Кулѣ, пушкаръ былъ изъ русскихъ; ихъ было 54 человека. Начальство надъ ними ханъ вѣрилъ тоже русскому плѣнному; это былъ астраханскій рыбакъ Василій Лаврентьевъ, получившій прозваніе *Биль-Билъ*. Важнаго званія *топчи-баши* онъ достигъ тѣмъ, что, будучи плотникомъ, сумѣлъ придѣлать колесо къ пушкѣ; за этотъ подвигъ и умѣнье ему поручили командовать артиллеріей. И надо отдать Лаврентьеву справедливость: хоти и взялся онъ не за свое дѣло, но не посрамилъ землѣ русской.

Въ Кокандѣ всѣ ханскіе невольники и бѣгле казаки опредѣлялись къ орудіямъ; многіе изъ нихъ производились въ *юзъ-баши*, т. е. сотники, что составляло очень видное положеніе въ ханствѣ. Такой порядокъ вещей въ кокандскомъ ханствѣ показывается,

что тамошнее правительство поступало логичнѣе, такъ какъ русскіе въ Кокандѣ были исключительно казаки, люди военные, умѣвшіе обращаться съ орудіями, — во всякомъ случаѣ лучше кокандцевъ, ташкентцевъ, туркестанцевъ и имъ подобныхъ.

Въ Бухарѣ русскіе плѣнные также не миновали военной службы. Когда Наеръ-Улла, отецъ нынѣшняго эмира Сейдъ-Музафара, задумалъ составить регулярный отрядъ сарбазовъ, то съ самаго же начала опредѣлялъ туда 30 человекъ русскихъ плѣнныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершили съ эмиромъ до двадцати и болѣе походовъ.

При томъ значеніи, какимъ пользовались въ Средней Азии нѣкоторые изъ нашихъ плѣнныхъ, они не могли не оказывать нѣкотораго вліянія какъ на туземцевъ, такъ и на самихъ хановъ. Но такъ какъ невольники эти были изъ простаго народа, то они не заботились о внесеніи какихъ-либо полезныхъ измѣнъ въ тѣ страны, а скорѣе передавали свои пороки: это легче усваивается. Слѣды подобнаго вліянія замѣтнѣе всего въ хивинскомъ ханствѣ (да и вообще положеніе нашихъ плѣнныхъ гораздо извѣстнѣе въ Хивѣ, чѣмъ въ другихъ ханствахъ). Первымъ дѣломъ русскіе научили хивинцевъ и хановъ ихъ пить водку. Цѣль ее знаменитый Мухамедъ-Рахимъ (¹); пили и сыновья его Алла-Куль и Рахманъ-Куль. Что отъ плѣнныхъ нашихъ ханы учились и кое-чему другому, доказательствомъ можетъ служить тотъ же Алла-Куль, который умѣлъ читать и писать по-русски, чему выучилъ его какой-то Фома, астраханскій мѣщанинъ.

Совершенно другое положеніе было обыкновенныхъ невольниковъ, т. е. тѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которымъ выпала тяжелая доля работать безъ отдыха, работать безъ вознагражденія за трудъ. А такихъ была масса: эта масса представляла собою рабовъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Азіятецъ, купившій невольника, приобреталъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную, безграничную власть надъ нимъ. Власть хозяйина надъ рабомъ простиралась до того, что онъ могъ лишить его жизни. Относительно этого послѣдняго права наши источники не согласны между собой. Одни, какъ Муравьевъ и Яковлевъ, утверждаютъ, что владѣлецъ можетъ безнаказанно убить своего невольника; другіе, какъ г. Гельмерсенъ, говорятъ, что никто не имѣетъ права убить своего раба, но можетъ наказывать его, какъ угодно (²). Являлось ли такое разногласіе вслѣдствіе различныхъ положеній невольниковъ въ разное время и въ разныхъ странахъ, или вслѣдствіе какой другой причины — трудно опредѣлить; но съ болѣею достовѣрностію можно полагать (и тѣмъ болѣе, что на то есть факты), что хозяйинъ могъ распоряжаться невольникомъ безъ всякаго ограниченія и, если не злоупотреблялъ своею властію, то потому только, что это было бы для него невыгодно. Но если допустить даже, что *de jure* владѣтель невольника не могъ лишить его жизни, — кто же, спрашивается, въ случаѣ убійства невольника, могъ довести на преступника, кто привлекалъ

(¹) Во время, предшествовавшее хивинскому походу 1878 г., когда плѣнныхъ захватывалось немного, всѣ они отпускались ханами, а посторонними покупать, кажется, вовсе не удавалось; только развѣ въ томъ случаѣ могли они приобретать невольниковъ, если самъ ханъ желалъ продать нѣкоторыхъ изъ своихъ невольниковъ.

(²) Абуль-Фейзъ-ханомъ учреждена была стража изъ русскихъ плѣнныхъ.

(¹) Подъ конецъ М. Рахимъ замѣнилъ водку укусомъ.

(²) См. Отечеств. Записки 1840 г., т. VIII, «Хива въ нынѣшнемъ состояніи».

его къ отвѣтственности? Очевидно, что за убитого заступиться было некому; а жалобы его сотоварищей, какъ невѣрныхъ, не были бы приняты; да имъ же бы еще и досталось за доносъ. Яковлевъ сообщаетъ, что одинъ мулла, разсердившись за что-то на своего невольника, убилъ его. Этотъ разсказъ Яковлевъ слышалъ отъ отца несчастнаго. Фактъ говоритъ самъ за себя.

Невольники назначались на работы въ садахъ и огородахъ; ихъ заставляли вырывать поля, удобрять ихъ навозомъ, орошать спускомъ воды изъ каналовъ и протоковъ, чистить эти каналы и протоки, сѣять хлѣбъ и убирать его, молотъ ежедневно муку въ ручныхъ жерновахъ и толочь крупу въ ножныхъ ступахъ, дѣлать тѣлѣги и всѣ земледѣльческія орудія, исполнять домашнюю работу; однимъ словомъ, невольники были завалены работой съ утра до ночи. Малѣйшее при этомъ упущеніе или оставленіе работы наказывалось плетью. Только два раза въ годъ, говоритъ Муравьевъ, невольниковъ освобождали въ Хивѣ отъ работы; это были два мѣстные праздника, когда невольники два дня пользовались свободой, могли сходитьсь выѣсть, видѣться другъ съ другомъ. Все остальное время они не могли оставить работу, и только по болѣзни ихъ освобождали отъ нея. Бывали, однако, случаи, сообщаетъ Яковлевъ, что хозяинъ, считая болѣзнь невольника притворною, билъ захворавшаго, и нерѣдко несчастный тутъ же подъ плетью и умиралъ.

Извѣстенъ примѣръ и поголовнаго избіенія русскихъ плѣнныхъ. Такъ Рахимъ-бекъ, правитель Бухары, велѣлъ избить всѣхъ русскихъ невольниковъ, находившихся въ Бухарѣ, подозрѣвая ихъ въ покушеніи на его убійство.

При утомительной и непрерывной работѣ, лежавшей на невольникахъ, содержаніе ихъ было самое жалкое. Беневени писалъ Петру Великому: „ко мнѣ непрестанно прибѣгаютъ нѣкоторые (плѣнники), про окупъ просятъ, а нѣмѣ и милостыню требуютъ, ибо хозяева худо ихъ кормятъ“. По разсказу плѣннаго Грушина, ханъ хивинскій отпускалъ прежде невольникамъ своимъ въ мѣсяцъ 3 пуда зерновой пшеницы (а иногда и мукой), полу пуда сорочинскаго пшена, 10 фунтовъ чечевицы, 10 ф. мяса и 5 ф. кувжутаго масла. Но такая выдача продолжалась лишь до 1816 г., когда пріѣхалъ изъ Бухары какой-то мулла, который замѣтилъ Мухамедъ - Рахиму, что грѣшно такъ роскошно содержать русскихъ невольниковъ, кифировъ, что ихъ надо морить голодомъ. Тогда ханъ приказалъ выдавать только по 3 пуда пшеницы, въ которой съ полу пуда бывало земли; тѣмъ и ограничивался паекъ. Прочіе, частные жители ханства, прибавляетъ Грушинъ, содержатъ плѣнныхъ своихъ худо и голодно. Другой плѣнный, Яковъ Зиновьевъ, плѣнный уже послѣ Грушина (а именно въ 1831 г.), описываетъ содержаніе ханскихъ невольниковъ въ самыхъ жалкихъ краскахъ, и надо знать хивинцевъ, чтобы повѣрить Зиновьеву (*). „Каждому невольнику, говоритъ онъ, отпускается въ мѣсяцъ по пуду пшени-

цы, пополамъ съ землей, и больше ничего; самъ мели, да фунтовъ пять отдай за пометъ; самъ и пеки лепешки, а педаютъ ни щепки, ни дровъ, ни досугу; дрова воруютъ у сосѣдей, да и печешь лепешки по ночамъ“. Въ такомъ положеніи оставалось одно средство къ существованію—воровать. „Не украдешь—и ѣсть нечего и надѣть нечего (говоритъ тотъ же Зиновьевъ). Разъ вышла старая ханша въ садъ; я и говорю ей: „вамъ-де, сударыня, кажись на пѣсѣ бы глядѣть стыдно, ходимъ мы почитай пашиномъ; что ханъ не одѣнетъ насъ?“, а она мнѣ на это: „чего стыдно? что на тебя глядѣть, что на собаку, все одно, и та не одѣвши ходитъ“. Понятно послѣ этого, какъ содержали своихъ невольниковъ прочіе хивинцы.

Въ этомъ бѣдственномъ положеніи русскіе невольники пользовались однимъ снисхожденіемъ: имъ дозволилось исповѣдывать свою религію. Но и этого единственнаго утѣшенія иногда ихъ лишали. Ханъ, наиболѣе паломные, старались силою принудить русскихъ плѣнныхъ обратиться въ исламъ. Такъ, напримѣръ, бухарскій ханъ Шахъ-Мурадъ имѣлъ въ числѣ своихъ русскихъ невольниковъ очень искуснаго слесари. Много разъ ханъ уговаривалъ его принять исламъ и, когда тотъ отказался наотрѣзъ, онъ приказалъ казнить его. Несчастному перерѣзали горло, а потомъ повѣсили. Въ Коканѣ первымъ деломъ старались обратить плѣннаго въ исламъ, и хотя тамъ не употребляли крутыхъ мѣръ, но плѣнный, упорствовавшій въ своей религіи, находился въ большой опасности; при первомъ же какомъ нибудь проступкѣ его приговаривали къ смертной казни, и тогда, чтобы спасти свою жизнь, онъ дѣлался мусульманиномъ (*). Большая часть нашихъ плѣнныхъ въ Коканѣ принимала исламъ. И это понятно и естественно: большинство плѣнныхъ въ этомъ ханствѣ были бѣглецы казаки, поселившіеся въ немъ безъ надежды вернуться когда-либо на родину; а между тѣмъ, чтобы пользоваться правами гражданства въ новомъ отечествѣ, имъ по-неволѣ приходилось заявить себя мусульманами. Примѣръ однихъ дѣйствовалъ на другихъ, и большинство плѣнныхъ стало исповѣдывать исламъ; поэтому въ Коканѣ относились къ требованію перемѣны религіи гораздо строже, чѣмъ въ Хивѣ или въ Бухарѣ.

IV.

Избавиться отъ неволи можно было, главнымъ образомъ, двумя способами: принатіемъ мусульманства и выкупомъ. Первый способъ былъ слишкомъ тяжелъ для русскаго человѣка, и невольники пользовались имъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Прибѣгали къ нему лишь тѣ, которые обзаводились семействами и, проведя въ плѣну десятки лѣтъ, уже не надѣялись вернуться на родину. Но принявъ исламъ, плѣнный переставалъ быть невольникомъ: онъ дѣлался свободнымъ. Этотъ способъ больше всего практиковался персінцами. Изъ ревностныхъ *шии* имъ ничего не стоило завить себя ярыми *сунни* и чрезъ то получить свободу. Такіе обращенные поступали большею частію въ войско. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что об-

(*) Скупость и жадность, отличительныя черты хивинцевъ, мѣтко обрисованы Н. П. Небольсинимъ въ его „Разсказахъ проѣзжаго“. Сиб. 1864.

(*) Разсказъ Сѣверцова: „Мѣсяцъ плѣна у кокандцевъ“. Сиб. 1860.

ращеніе переіпать было только паружное: въ тайнѣ они все-таки придерживались шіизма.

Второй способъ, откупиться на волю, былъ еще менѣе легокъ, вслѣдствіе принятаго правила, по которому невольникъ долженъ былъ уплатить хозяину сумму вдвое и втрое болѣе той, которую самъ хозяинъ заплатилъ за него. Ясно поэтому, что внести выкупъ могли очень немногіе. Во время Грушина (*), откупившихся въ Хивѣ на волю было не болѣе ста человекъ. Сумму для выкупа невольники копили лѣтъ по двадцати и болѣе, откладывая половину скуднаго своего пайка и питаясь подаяніемъ. Но большинство не могло осилить этого подвига и оставались невольниками иногда лѣтъ сорокъ и болѣе. Мейендорфъ, бывшій въ Бухарѣ въ 1820 г., описывая въѣздъ посольства Негри въ этотъ городъ, говоритъ, что на пути имъ попадались русскіе невольники, въ числѣ которыхъ находились шестидесятилѣтніе старики. Между тѣмъ извѣстно, что въ плѣнъ забирались исключительно народъ молодой. Бывали случаи, что невольникъ откупался работой. Но освободившись отъ неволи, русскіе не избавлялись отъ плѣна. Они не имѣли права оставить то ханство, гдѣ находились невольниками, не могли вернуться на родину, подъ страхомъ жестокаго наказанія въ случаѣ поймки ихъ. Поэтому они спѣшили известить женами, женились болѣею частію на русскихъ же плѣнницахъ, а иногда и на туземныхъ женщинахъ, и заводили свое хозяйство; иногда принимали исламъ, какъ выше сказано. Это были счастливыя въ сравненіи съ тѣми, которые не могли выкупиться на волю и, въ 60—70 лѣтъ, все еще несли тяжелое иго рабства.

Но какъ свободные, такъ и несвободные, одинаково стремились на родину, въ Россію, не соблазнившись выгоднымъ положеніемъ, какимъ пользовались нѣкоторые изъ плѣнныхъ. Изъ всей исторіи невольничества извѣстны только два случая, что спасшіеся изъ Хивы плѣнные бѣжали обратно въ это ханство. Одинъ изъ нихъ былъ Тихонъ Рязановъ. Но извѣстенъ фактъ и другаго рода: Андрей Никитинъ, родившійся въ Хивѣ отъ русскихъ плѣнныхъ, не зная ни слова по-русски, считалъ тѣмъ не менѣе отечествомъ своимъ Россію и, въ концѣ концовъ, бѣжалъ изъ Хивы въ Оренбургъ.

Избавиться отъ неволи былъ и третій способъ: это — *бѣжать*. Но, во-первыхъ, бѣжать можно было только послѣ многихъ лѣтъ невольничества, т. е. тогда, когда плѣнный могъ научиться туземному языку и познакомиться съ мѣстностью страны; во-вторыхъ, побѣтъ сопряженъ былъ съ такими трудностями и опасностями, что не у всякаго доставало рѣшимости и энергіи пуститься на такой рискованный подвигъ.

Киргизы зорко и постоянно слѣдили за всѣми проѣзжавшими въ степяхъ и попадавшими имъ въ глаза, тщательно подвоярили на прежній мѣста. Въ этомъ заключалась ихъ главная выгода: во-первыхъ, за бѣглецовъ поимщики получали плату, а во-вторыхъ, перехватывая бѣглыхъ, киргизы надѣялись избѣжать огласки объ ихъ захватахъ. На томъ же основаніи и туркмены заграждали бѣглецамъ путь въ Персію. Наконецъ и

правительства среднеазиатскихъ ханствъ принимали самыя строгія мѣры къ пресѣченію побѣговъ. Съ этою цѣлію ханскіе чиновники тщательно осматривали на границахъ возвращавшіеся въ Россію караваны. Изъ опасенія побѣга русскихъ невольниковъ, ихъ никогда не употребляли для судоходства. Переписка между невольниками и ихъ родственниками въ Россіи была строго воспрещена. Одинъ изъ невольниковъ, въ Хивѣ, Егоръ Щ., заподозрѣнный въ перепискѣ съ своимъ семействомъ, находившимся въ Оренбургѣ, былъ, по повелѣнію хана, казненъ: его вывели ночью за городъ, заставили вырыть для себя могилу и закопали, кто говоритъ—убитаго, а кто—живаго. Андрей Никитинъ сообщаетъ, что въ 1829 году хивинцы поймали одного киргиза за то, что у него нашли письма изъ Россіи къ русскимъ плѣннымъ, томившимся въ Хивѣ. Даже наказанія, полагавшіеся за побѣгъ, могли отбить всякую охоту у плѣнныхъ бѣжать. За первый побѣгъ опредѣлялись слѣдующія наказанія: пойманному давали отъ 200 до 300 ударовъ плетью, или разрѣзали пята и всыпали въ разрѣзъ рубленой кабаньей щетины и залечивали ноги (*); или подрѣзали сухожилія; или прибивали гвоздемъ за ухо къ столбу и оставляли въ такомъ положеніи на трое сутокъ; или выкалывали одинъ глазъ, или отрѣзали носъ и уши. Это послѣднее наказаніе чаще полагалось за второй побѣгъ. За третій, а иногда и за второй побѣгъ, провинившагося сажали на колъ, и несчастный умиралъ въ страшныхъ мученіяхъ. Мученія эти были тѣмъ ужаснѣе, что колу давали такую форму, чтобы казненный могъ жить нѣсколько дней, въ назиданіе другимъ невольникамъ.

Неудивительно поэтому, что бѣжать рѣшались очень немногіе; а еще меньшему числу изъ нихъ удавалось добраться благополучно до родины.

V.

Десятки лѣтъ жили русскіе плѣнные въ среднеазиатскихъ ханствахъ. Андрей Постиновъ пролежалъ въ Хивѣ 55 лѣтъ (**); отецъ Андрей Никитина, Никита Сапожниковъ, жилъ въ Хивѣ слишкомъ 60 лѣтъ. При этомъ условіи они близко познакомились съ бытомъ и условіями жизни въ тѣхъ ханствахъ, гдѣ жили; стояло только воспользоваться ихъ свѣдѣніями, и могъ бы получиться, если не совершенно полный историческій, то чрезвычайно важный этнографическій матеріалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наши посланники, бывшіе въ среднеазиатскихъ ханствахъ, пользовались сообщеніями плѣнныхъ; но преимущество показаній нашихъ невольниковъ заключается въ томъ, что они передавали то, что знали, просто, „не мудрствуя лукаво“, не умничая надъ тѣмъ, чего не понимали, какъ это дѣлали нѣкоторые ученые путешественники. Тѣмъ важнѣе должны быть рассказы плѣнныхъ, и тѣ, которые записывали ихъ со словъ рассказчиковъ (а такихъ въ Оренбургѣ было довольно и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ), оказали важную услугу дѣлу знакомства нашего съ Средней Азіей.

Въ числѣ лицъ, болѣе другихъ потрудив-

(*) Грушинъ находился въ плѣну съ 1819 по 1829 годъ.

(*) Когда невольникъ, послѣ этого наказанія, начиналъ сильно тосковать, ему снова разрѣзали пята и вынимали оттуда щетину.

(**) См. Туркест. Вѣдом. за 1878 годъ, № 80.

шихся на этомъ поприщѣ, были: начальникъ таможни въ Оренбургѣ П. Е. Величко, который, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, собралъ отъ плѣнныхъ много извѣстій о географіи Средней Азии и преимущественно о путяхъ, ведущихъ въ среднеазиатскія ханства. Г. Ф. Генсъ, бывшій слишкомъ 20 лѣтъ предсѣдателемъ оренбургской пограничной комиссіи, привелъ архивъ этой комиссіи въ порядокъ, что ознакомило его съ имѣвшимися уже данными о Средней Азии и послужило руководствомъ къ продолженію начатаго до него дѣла. В. И. Далъ, состоя на службѣ въ Оренбургѣ съ 1833 по 1841 годъ, подарилъ намъ многими капитальными разсказами выходящій изъ Хивы.

Разсказы нашихъ плѣнныхъ болѣею частью напечатаны; но не мало осталось ихъ въ рукописяхъ, хранившихся въ архивѣ пограничной комиссіи и, по ея закрытіи, перешедшихъ, вѣроятно, въ оренбургскій архивъ.

Слишкомъ 25 лѣтъ тому назадъ, П. С. Савельевъ высказалъ мысль, что сборникъ, составленный изъ показаній нашихъ плѣнныхъ (частію уже напечатанныхъ, частію еще хранящихся въ рукописяхъ), былъ бы драгоценнымъ матеріаломъ для этнографіи хивинскаго (*), можно прибавить—и другихъ ханствъ; матеріалъ этотъ, богатствомъ любопытныхъ данныхъ, ускользающихъ отъ мимолетнаго взгляда туриста, далеко оставилъ бы за собою всѣ извѣстные доселѣ „путешествія“ (въ Хиву) (**). Теперь потребность эта является еще болѣе настоятельною. Не говори уже о томъ, что разсказы плѣнныхъ всегда будутъ имѣть интересъ, если бы и явилось что-либо новое и замѣчательное по части описаній среднеазиатскихъ ханствъ; но пока и этого нѣтъ: сочиненіи Муравьева (относительно Хивы), Мейендорфа и Ханькова (относительно Бухары) и Назарова (относительно Коканда) остаются до сихъ поръ лучшими трудами для изученія этихъ странъ. Но ни одинъ изъ этихъ трудовъ не рисуетъ намъ жизни среднеазиатскихъ народовъ такъ, какъ рисуютъ ее разсказы плѣнныхъ.

Такъ какъ напечатанные разсказы плѣнныхъ разбросаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и очень мало извѣстны (*), то не бесполезно перечислить по крайней мѣрѣ болѣе важныя изъ этихъ разсказовъ и указать время и мѣсто изданія ихъ.

Разсказъ *Якова Петрова* (находился въ плѣну въ Хивѣ съ 1787 по 1819 г.) напечатанъ, впрочемъ не вполне, В. В. Григорьевымъ въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ „Описанію“ хивинскаго ханства, составленному Величкою (въ Запискахъ императорскаго русскаго географическаго общества за 1861 г., кн. 2), и въ статьѣ В. В. Григорьева „О митрополитѣ Хрисанпѣ“ (въ Чтеніяхъ имп. московскаго общества исторіи и древностей, за 1861 г.)

(*) Дѣло шло о Базинеровомъ путешествіи въ Хиву, изданномъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ въ сборникѣ Бэра и Гельмерсена, въ XV кн.

(*) Географическія извѣстія за 1849 г., вых. 4.

(*) До какой степени разсказы плѣнныхъ мало у насъ извѣстны, достаточно замѣтить, что П. И. Мельниковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о В. И. Далѣ говоритъ, что изъ многочисленныхъ разсказовъ плѣнныхъ, записанныхъ Далемъ, уцѣлѣли только два, т. е. тѣ, что помѣщены въ полномъ собраніи сочиненій Дала (См. Русскій Вѣстникъ за 1878 г., мартовская книжка, стр. 815),—между тѣмъ ниже указываются и другіе разсказы, поданные Далемъ.

Разсказъ *Ковырзина* (бѣжалъ изъ плѣна въ 1826 году) помѣщенъ Генсцомъ, съ нѣкоторыми добавочными извѣстіями, собранными отъ другихъ плѣнныхъ, во 2-мъ томѣ сборника „Beiträge zur Kenntniss des Bussischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens“. На русскомъ языкѣ разсказъ этотъ помѣщенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ на 1840 г. (въ VIII томѣ).

Разсказъ *Якова Зиновьева* (взятъ въ плѣнъ въ 1831 г. на Каспійскомъ морѣ) находится въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ на 1839 годъ, въ №№ 22, 23 и 24.

Разсказъ урядника *Попова*—тамъ же.

Разсказъ *Федора Грушина* (взятъ въ плѣнъ въ 1819 г., а бѣжалъ въ 1829) помѣщенъ въ первый разъ въ „Литературныхъ прибавленіяхъ въ Русскому Ивалиду“ 1838 г. № 5; на нѣмецкомъ языкѣ онъ находится въ сборникѣ Beitrüge u. s. w. Кроме того онъ вошелъ въ полное собраніе сочиненій Дала (*) (во второмъ изд. онъ находится во 2-мъ томѣ. Сиб. 1861 г. стр. 288—307).

Разсказъ *Тихона Разнова* (находился въ плѣну въ Хивѣ съ 1819 по 1829 годъ) напечатанъ В. П. Далемъ въ Альманахѣ, изд. Владиславцевымъ, „Утренняя Заря“ на 1839.

Разсказъ *Андрея Никитина* (бѣжалъ въ Оренбургъ въ 1830 г.) находится въ томъ же „Альманахѣ“ на 1838 годъ.

Разсказъ портупей-прапорщика *Мядлиника*—въ Литературной Газетѣ на 1840 годъ, въ № 14. Оба эти разсказа обнародованы также Далемъ.

Г. Макшеевъ помѣстилъ въ „Вѣстникъ имп. геогр. общества“ на 1856 г. показанія сибирскихъ казаковъ *Милошина* и *Битарышкина*, бывшихъ въ плѣну у кокандцевъ съ 1849 по 1852 годъ.

Въ Русскомъ Ивалидѣ на 1862 г., въ №№ 70 и 71, помѣщена статья: „Бухара по разсказамъ русскихъ плѣнныхъ“.

М. Н. Галкинъ напечаталъ въ „Запискахъ имп. русск. геогр. общества“ (по отдѣленію этнографіи, т. I, 1867 г.) „Показанія русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Бухары въ 1858—59 годахъ“. „Показанія“ эти находятся и въ отдѣльномъ изданіи: „Этнографическіе матеріалы по Средней Азии и оренбургскому краю“.

Разсказъ *Ильи Ильчикова*, взятаго въ плѣнъ на Каспійскомъ морѣ весною 1870 г., помѣщенъ въ Виржевыхъ Вѣдомостяхъ за 1873 г., въ №№ 168, 171, 176, 177 и 189.

Нѣкоторые плѣнные сами описали свой плѣнъ и свои наблюденія въ плѣну. Изъ нихъ особенно замѣчательно описаніе *Филиппа Ефремова*, взятаго въ плѣнъ въ 1774 году. „Десятилѣтнія странствованія Филиппа Ефремова“ выдержали три изданія: первое въ Петербургѣ въ 1786 г., послѣднее въ Казани въ 1811-мъ. Въ Сынѣ Отечества на 1822 годъ помѣщены записки доктора *С. В. Большаго* о приключеніяхъ его въ плѣну у киргизовъ.

Отрывочныя показанія плѣнныхъ встрѣ-

(*) Въ полномъ же собраніи сочиненій Дала (во II томѣ) находится „Разсказъ вышедшихъ изъ Хивы русскихъ плѣнныхъ объ осадѣ, въ 1837 и 1838 годахъ, персійскими крѣпостями Герата (2-е изд., стр. 475—491). Разсказъ этотъ едва ли не лучший изъ всѣхъ имѣющихся у насъ разсказовъ плѣнныхъ. Изложенъ онъ такъ мастерски, какъ умѣлъ излагать только Далъ. Въ разсказѣ этомъ ятъ и помину ни о Хивѣ, ни о Бухарѣ; поэтому онъ и не помѣщенъ въ вышеприведенномъ перечисленіи.

чаются въ разныхъ статьяхъ Дади („Новѣйшія извѣстія о Хивѣ“ въ Сынѣ Отечества на 1839 годъ, кн. XII, стр. 11—18), Иванина (въ статьѣ о Хивѣ въ „Журналѣ мануфактуръ и торговли“ и въ другомъ его сочиненіи „Хива и Аму-дарья“, напечатанномъ въ Морскомъ сборникѣ за 1864 годъ и вышедшемъ отдѣльною книгою подъ тѣмъ же заглавіемъ въ С.-Петербургѣ въ 1873 году) и другихъ.

VI.

Русское правительство, уже два-три столѣтія тому назадъ, прилагало всѣ старанія избавить отъ неволи русскихъ подданныхъ; но, не имѣя возможности силою оградить юго-восточные предѣлы Россіи отъ захвата плѣнниковъ, оно пробовало другіе способы къ освобожденію ихъ изъ неволи: правительство или выкупало нѣкоторыхъ плѣнныхъ чрезъ своихъ посланниковъ, или вступало въ переговоры съ правительствами ханствъ Средней Азіи объ освобожденіи русскихъ невольниковъ.

Наиболѣе древній, извѣстный намъ фактъ, такой заботливости нашего правительства относительно плѣнныхъ относился къ царствованію Михаила Ѳеодоровича, именно къ 1620 году, когда отправленъ былъ къ бухарскому Имамъ-Кули-хану, посланникомъ, дворянинъ Иванъ Даниловъ Хохловъ. Въ грамотѣ (отъ 14 мая 1620 г.) къ бухарскому хану царь, между прочимъ, проситъ освободить русскихъ плѣнниковъ. А послѣ предписывалось развѣдать о находящихся въ Бухарѣ русскихъ невольникахъ и въ особенности объ именитыхъ дворянахъ. Хохловъ принятъ былъ въ Бухарѣ какъ нельзя лучше. Ханъ, на просьбу посланника объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ, отвѣчалъ, что исполнить ее, велитъ сыскать всѣхъ „полоненниковъ“ русскихъ и отправить къ нему, Хохлову, въ Бухару. Вѣроятно ханъ и исполнилъ бы свое обѣщаніе, но, вслѣдствіе возстанія нѣсколькихъ провинцій, онъ этого не могъ сдѣлать. Прощаясь съ Хохловымъ, Имамъ-Кули заявилъ, что отдастъ приказъ не удерживать русскихъ полоненниковъ, какъ находящихся при его дворѣ, такъ и вольныхъ, если пожелаютъ возвратиться на родину; но что другихъ отыскивать, за смятеніемъ, некогда; по усмиреніи же мятежей обѣщавъ освободить всѣхъ плѣнныхъ. Но и это обѣщаніе не было приведено въ исполненіе.

Черезъ 26 лѣтъ послѣ того, царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ, въ іюні 1646 г., съ разными товарами, купчину Аниса Грибова и послалъ съ нимъ къ хану Надиръ-Мухаммеду извѣстительную грамоту о своемъ восшествіи на престолъ; при чемъ просилъ отпустить съ этимъ купчиною русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Бухарѣ. Но Грибовъ въ Бухару не попалъ вслѣдствіе происшедшихъ тамъ возмущеній, кончившихся сверженіемъ съ престола Надиръ-Мухаммеда; грамота же все-таки была Грибовымъ отправлена по назначенію изъ Персіи; но никакихъ послѣдствій не имѣла.

Въ 1669 г. Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ возобновить прерванные сношенія съ Бухарой и отправилъ посольство, какъ въ Бухару, такъ и въ Хиву. Въ Хиву, къ хану Анушѣ, сыну знаменитаго Абуль-Газихана, посломъ отправленъ былъ астраханскій боярский сынъ Иванъ Ѳеодотовъ съ та-

мошнымъ посадскимъ челоѣкомъ Матвѣемъ Муромцевымъ. Изъ донесенія Ѳеодотова видно, что на посланника возлагалось, главнымъ образомъ, узнать о состояніи торговли въ этомъ ханствѣ и о политическомъ его значеніи. Говорилось ли что при этомъ о невольникахъ—неизвѣстно, но Ѳеодотовъ самъ выкупилъ въ Хивѣ 12 русскихъ плѣнныхъ за 848 рублей, и 6 ноября вернулся въ Астрахань.

Въ томъ же году, хотя немного позже, отправлены были въ Бухару братья Пазухины: Борисъ и Семенъ. Въ грамотѣ къ бухарскому хану Абдуль-Азизу, царь требовалъ прислать съ этими посланниками русскихъ плѣнныхъ. Объ этомъ требованіи царя послы особенно старались у бухарскаго хана и имѣли нѣкоторый успѣхъ. Передъ отъѣздомъ Пазухиныхъ, ханъ прислалъ посланникамъ 9 русскихъ плѣнныхъ, которые, какъ объявилъ приставъ, были куплены по 40—50 рублей у хивинцевъ, пріѣзжавшихъ въ Бухару. Ханъ отправилъ ихъ къ Алексѣю Михайловичу для утвержденія взаимнаго согласія и дружбы; обѣщавъ послать и остальныхъ, но только тогда, когда вернется его посолъ изъ Россіи и пріѣдутъ новые послы отъ московскаго царя. Какъ ни старались Пазухины освободить большее число плѣнныхъ, но не успѣли въ этомъ. Сами Пазухины выкупили 22 плѣнныхъ за 585 рублей; въ числѣ ихъ не нашлось ни дворянъ, ни дѣтей боярскихъ. Такъ и должно быть, потому что въ плѣнъ попадались, какъ сказано, уральскіе казаки, да рыбопромышленники. Согласно данному Пазухинымъ наказу, они тайно увѣщевали русскихъ плѣнныхъ сохранять вѣру свою и стараться возвратитъ себѣ свободу. Не обошлось безъ обѣщаній со стороны хана и на этотъ разъ. Прощаясь съ посланниками, Абдуль-Азизъ подтвердилъ имъ, что будетъ высылать русскихъ плѣнныхъ на родину съ своими и съ царскими послами, когда дорога черезъ кочевья калмыковъ сдѣлается болѣе безопасною.

Въ 1675 году посланъ былъ въ Бухару Василій Александровичъ Даудовъ, съ которымъ отправлена къ бухарскому хану грамота съ напоминаніемъ объ обѣщаніи высылать русскихъ плѣнныхъ. Даудовъ ѣхалъ черезъ Хиву и здѣсь онъ не мало хлопоталъ объ освобожденіи нашихъ плѣнныхъ. Ханъ Ануша не отказывался удовлетворить ходатайство посланника, но соглашался исполнить это въ томъ только случаѣ, если и бухарскій ханъ, у котораго, говорилъ Ануша, находилось много плѣнныхъ, сдѣлаетъ съ своей стороны то же самое. Съ тѣмъ и отправился Даудовъ въ Бухару. На просьбу посланника освободить русскихъ, Абдуль-Азизъ сначала вовсе не соглашался; но потомъ, по особенному настоянію Даудова, позволилъ ему взять съ собою только 5 челоѣкъ изъ откупившихся уже на волю. Другихъ не отпустилъ, ссылаясь на нужду въ людяхъ по причинѣ войны съ хивинскимъ ханомъ. Съ Даудовымъ Абдуль-Азизъ отправилъ къ царю грамоту съ обѣщаніемъ отпустить съ своими послами 20 плѣнныхъ безъ всякой платы. Даудовъ выкупилъ въ Хивѣ и Бухарѣ 33 челоѣка русскихъ невольниковъ, которые, съ препровожденіемъ ихъ въ Россію, обошлись въ 1114 рублей.

На этомъ дѣло тогда и остановилось.

Много обѣщали бухарскіе и хивинскіе ханы нашимъ посламъ; но на дѣлѣ дальше обѣщаній не шли. При слѣдующихъ нашихъ сношеніяхъ съ Хивой и Бухарою, вопросъ о невольникахъ, какъ видно, не возбуждался; по крайней мѣрѣ нѣтъ указаній на продолженіе прежнихъ попытокъ нашего правительства къ освобожденію изъ неволи русскихъ плѣнниковъ. Въ началѣ XVIII столѣтія Хива и Бухара обратили на себя вниманіе Петра Великаго съ другой стороны, со стороны торговли, какъ съ самою Среднею Азією, такъ особенно съ Индією. Индія была цѣлью императора, а Хива и Бухара только средствомъ достигнуть этой цѣли. Хотя вопросъ о плѣнныхъ и не занималъ Петра Великаго, но его планъ утвердиться въ Средней Азіи, если бы удалось принести его въ исполненіе, сразу долженъ былъ прекратить захватъ русскихъ плѣнныхъ и продажу ихъ на рынкахъ среднеазиатскихъ ханствъ. Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, плана этого не пришлось осуществить. Послѣ неудачи утвердиться въ Средней Азіи, Петръ Великій все-таки не оставилъ своихъ видовъ на нее. Въ инструкціи, данной посланнику въ Бухару Флоріо Беневени, эти виды императоръ изложилъ очень подробно; но относительно невольниковъ, находившихся въ этомъ ханствѣ, Беневени не получилъ никакихъ наставленій. Это видно изъ донесенія Беневени, въ которомъ онъ спрашиваетъ императора, чтѣ дѣлать ему съ плѣнными, которые, какъ видно, сильно осаждали посла.

Послѣ Петра Великаго попытки прекратить захватъ нашихъ плѣнныхъ возобновились, но только съ другой стороны. Въ 1730 году ханъ Малой киргизской орды Абуль-Хаиръ принялъ русское подданство. Хотя подданство это было только на бумагѣ, и даже самъ Абуль-Хаиръ перѣдко послѣ того дѣлалъ набѣги на нашу границу, но правительство наше рассчитывало, что присоединеніе киргизской орды къ Россіи ослабитъ, а можетъ-быть и вовсе прекратить захватъ плѣнныхъ со стороны киргизовъ. Но, когда ожиданія на дѣлѣ не оправдались, шущены были въ ходъ переговоры по этому вопросу. Абуль-Хаиръ всякій разъ отвѣчалъ готовностью исполнить наше справедливое требованіе о захватѣ плѣнныхъ и о возвращеніи на родину тѣхъ, которые находились у киргизовъ. Принимая въ 1738 году присягу въ вѣрности Россіи (это была вторичная присяга), Абуль-Хаиръ обѣщалъ освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, не только задержанныхъ у киргизовъ, но и томившихся въ сосѣднихъ ханствахъ. Это хвастливое обѣщаніе, сдѣланное въ видахъ извѣстнаго рода выгоды, Абуль-Хаиръ конечно не привелъ въ исполненіе. Онъ былъ не въ силахъ заставить своихъ подданныхъ исполнять требованія нашего правительства; объ освобожденіи же нашихъ невольниковъ въ Хивѣ, Бухарѣ и Кокандѣ онъ и помышлять не могъ. Убѣдившись, что ни переговоры, ни увѣщанія не дѣйствуютъ, правительство рѣшилось употребить болѣе энергическія мѣры. Только страхъ возмездія за хищничество могъ заставить азіатцевъ освободить нашихъ плѣнныхъ (*). Указомъ кол-

легій иностранныхъ дѣлъ, отъ 31 октября 1743 года, оренбургскому губернатору Неплюеву предписывалось стараться захватывать, при удобныхъ случаяхъ, киргизовъ наиболѣе знатныхъ семействъ, которые должны были служить аманатами. Мѣра эта не осталась безплодною: Абуль-Хаиръ тотчасъ же возвратилъ значительную часть нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ киргизами въ послѣдніе набѣги. Въ 1745 г. ханъ этотъ, присягая Петру III, возвратилъ изъ неволи 30 человѣкъ русскихъ и калмыковъ. То же повторилось и при преемникѣ Абуль-Хаира, ханѣ Нураліѣ. Пока мы употребляли путь переговоровъ, дѣло объ освобожденіи плѣнныхъ не подвигалось ни на шагъ; принятіе же крутыхъ мѣръ доставило хоть нѣсколько благоприятный результатъ. Мѣры эти заключались въ высылкѣ въ степь казачьихъ отрядовъ, для наказанія за грабежи и для отобранія плѣнныхъ. Еще въ 1747 году посланъ былъ въ степь московскій драгунскій полкъ, который 2 мѣсяца стоялъ въ Сахарной крѣпости. Точно такъ же въ 1757 г. присланы были въ оренбургскій край два драгунскіе полка и донской казачій полкъ. Угрожаемые въ 1760 г. со стороны Китая за нападеніе на бурутовъ, киргизы освободили не только этихъ послѣднихъ, но и башкиръ и русскихъ. Нападенія киргизовъ на нашу границу во время пугачевщины также не прошли имъ даромъ. По усмирении бунта, оренбургское начальство отправило въ 1774 году отрядъ наказывать киргизовъ Меньшой орды. Отрядъ привелъ съ собою много нашихъ плѣнныхъ, отбилъ скотъ у киргизъ и жестоко ихъ наказалъ. Подобный же отрядъ посылался въ степь и въ 1784 году. Частые захваты киргизами нашихъ пограничныхъ жителей вызвали новый походъ, который и былъ предпринятъ въ началѣ 1785 года. На этотъ разъ посланы были два отряда, которымъ удалось захватить въ плѣнъ 213 киргизскихъ женъ и дѣтей. Для выручки ихъ киргизы возвратили много содержавшихся у нихъ русскихъ плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ, 1786 г., когда рѣшено было лишить Нуралія ханства, онъ, чтобы задобрить Россію и остаться ханомъ, выслалъ нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, находившихся въ его ордѣ.

Путешествіе въ Хиву майора Бланкенпагеля въ 1793 г. и капитана Муравьева въ 1819-мъ, вновь обратило вниманіе нашего правительства на это ханство, бывшее главнымъ виновникомъ захвата плѣнныхъ. Такъ какъ большинство нашихъ плѣнныхъ въ Хивѣ составляли рыбопромышленники, захваченные на Каспійскомъ морѣ, то положено было, для обезпеченія рыболовства и защиты нашихъ промышленниковъ отъ захвата въ плѣнъ, построить укрѣпленіе на восточномъ берегу Каспійскаго моря. 1838 и 1839 годы показали, что это укрѣпленіе (Ново-Александровское) не достигало цѣли. Точно также несостоятельною оказалась и другая мѣра—ассигнованіе суммы на выкупъ русскихъ изъ неволи. Но обстоятельства перемѣнились, когда правительство сдѣлало распоряженіе о задержаніи всѣхъ хивинскихъ подданныхъ, находившихся въ предѣлахъ Россіи. Тогда Алла-Куль въ 1837 году выслалъ 25 человѣкъ плѣнныхъ, а черезъ два

(*) Извѣстно, наиримръ, что Ширгазы, напуганный нашими военными приготовленіями въ Саратовѣ и Астраханѣ,—то были приготовленія къ персидскому походу,—хотѣлъ отпустить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ,

находившихся въ Хивѣ; но не привелъ своего намѣренія въ исполненіе потому, что противъ этого возсталъ узбекъ (Донесеніе Беневени).

года еще 80; но такъ какъ захваты на Каспійскомъ морѣ усилились, то рѣшено было принудить Хиву силою оружія отказаться развѣ навсегда отъ покупки въ неволю русскихъ плѣнныхъ. Отрядъ, по известнымъ причинамъ, до Хивы не дошелъ, но цѣль достигъ: Алла-Куль освободилъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ Хивѣ. Изъ числа 474 человекъ всѣхъ нашихъ плѣнныхъ въ этомъ ханствѣ, 418 пожелали вернуться на родину. Впослѣдствіи оказалось еще 5 человекъ, желавшихъ вернуться въ Россію, и ханъ отослалъ ихъ въ Оренбургъ. Вслѣдъ затѣмъ Алла-Куль издалъ фирманъ, которымъ запрещалось производить набѣги на русскія владѣнія и покупать русскихъ плѣнниковъ. Такое дѣйствіе имѣлъ нашъ рѣшительный образъ дѣйствій относительно хивинскаго ханства. Между тѣмъ прежній путь—способъ переговоровъ, возобновленный нами съ Бухарою въ то же самое время, именно въ 1841 году, оказался столь же мало успѣшнымъ, какъ и прежде. Въ 1841 году отправленъ былъ къ бухарскому эмиру посломъ майоръ Бутеневъ. Онъ, между прочимъ, просилъ эмира объ освобожденіи нашихъ плѣнныхъ и о дозволеніи имъ вернуться въ Россію. Насрѣ-Улла обѣщалъ исполнить эту просьбу, но только тогда, когда будетъ заключенъ актъ между русскимъ императоромъ и бухарскимъ эмиромъ; при этомъ онъ требовалъ, чтобы актъ былъ подписанъ сперва государемъ императоромъ. Послѣ такого заносчиваго требованія, никакіе переговоры не могли уже имѣть мѣста, и Бутеневъ рѣшился оставить Бухару. Отправившись въ обратный путь, Бутеневъ взял съ собою 3 престарѣлыхъ русскихъ плѣнныхъ, надѣясь, что они, по безполезности, будутъ пропущены; но не дошелъ еще Бутеневъ до Варданзи, какъ эти плѣнные были у него отобраны.

Только полковнику Игватеву (нынѣ генералъ-адъютантъ) удалось, въ 1858 году, добиться возвращенія нашихъ плѣнныхъ изъ Бухары.

Послѣ освобожденія въ Хивѣ нашихъ плѣнныхъ, въ 1840 г., тамъ долго не было слышно о новыхъ захватахъ. Въ концѣ 1854 года туркмены захватили на Каспійскомъ морѣ четырехъ рабпромышленниковъ; но черезъ три мѣсяца они должны были ихъ освободить. При этомъ оказалось, что нашихъ плѣнныхъ у туркменъ больше нѣтъ (*). Въ концѣ 60-хъ годовъ снова стали ходить

слухи о захватахъ хивинцами нашихъ проѣзжихъ купцовъ. Слухи оказались справедливыми. Когда непріязненные отношенія къ намъ хивинцевъ вызвали въ 1873 году походъ въ Хиву, ханъ хивинскій, слышавъ о военномъ приготовленіи къ походу, освободилъ и выслалъ въ Казань 21 человека русскихъ плѣнныхъ, задержанныхъ въ Хивѣ. Послѣ хивинскаго погрома, ханъ долженъ былъ отъѣхать въ своемъ ханствѣ невольничество на вѣчныя времена. По слову „Бѣлаго Цира“, 15 тысячъ рабовъ-персіянъ получили свободу и отправлены на родину: такъ поквиталась Россія съ Персіей, у которой была въ долгу съ 1740 г., когда персидскій шахъ освободилъ русскихъ невольниковъ, томившихся въ хивинскомъ ханствѣ.

Давнишняя, завѣтная забота нашего правительства—уничтожить захватъ русскихъ плѣнныхъ и прекратить гнусный торгъ невольниками въ среднеазіатскихъ ханствахъ—осуществилась наконецъ въ нынѣшнее царствованіе. И это одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ и блестящихъ послѣдствій нашего движенія въ глубь Средней Азіи.

Для желающихъ ближе познакомиться съ исторіею невольничества можно указать, кромѣ приведенныхъ разсказовъ плѣнныхъ, на слѣдующія статьи: Историческое обозрѣніе ойратовъ, соч. *Іакинфа Бичурина*, Сиб. 1834; Посольство Флоріо Беневені въ Бухару, изд. *А. Н. Поповымъ* (въ Зап. геогр. общ., кн. IX); Путешествіе купца Рукавина, изд. *Русовымъ* (Журн. Мин. Внут. Дѣлъ 1839 г., кн. 12); Путешествіе Гладышева и Муравина, изд. *Я. В. Ханыковымъ* (въ Извѣстіяхъ геогр. общ. 1850 г.); Путешествіе Бурнашева и Поспѣлова (въ тѣхъ же „Извѣстіяхъ“ на 1851 г.); Путешествіе въ Туркменію и Хиву, *Муравьева*, Москва, 1822; много извѣстій изъ архивныхъ документовъ, собранныхъ *Я. В. Ханыковымъ*, находится въ его „Пояснительной запискѣ“ къ картѣ хивинскаго ханства (въ Запискахъ геогр. общ., кн. V); Записки саратовскаго купца *Я. П. Жаркова* о киргизахъ (въ Библіотекѣ для чтенія 1852, т. CXIII и CXV). Многія мелкія статьи помѣщались въ разныхъ журналахъ по поводу посольствъ или другихъ какихъ-либо событій въ Средней Азіи; таковы, напримѣръ, статьи *Яковлева* въ „Отечественныхъ Запискахъ“ на 1822 годъ, и другихъ.

(*) Морской Сборникъ 1855 г., № 1, стр. 34 и 35.